

— Карманные часы с одной стрелкой работы голландского часовщика Жилия ван Гееле, 1585

— Культовый Polaris Jaeger-LeCoultre, сделанный в революционном 1968 году

— Золотые часы-кулон в форме креста, сделанные мастером Йоханном Енджелом Чалкой

— Резная карманная луковица с эмалевым циферблатом, Франция, 1730

— Так выглядела знаменитая модель Piaget Polo в 1990 году

ювелирная красота, сколько деловитость, практичность и удобство. Это как с часами интерьерных масштабов: на смену затейливым каминным часам, сохранявшим актуальность еще в мирное время, пришли строгие кабинетные часы-башни. Соответственно, и в карманных часах красота отходит на второй план, уступая место деловитой элегантности классических карманных часов — белая эмаль циферблата, гладкая крышка, лаконичная форма, ничего лишнего.

К концу позапрошлого века важной задачей было не только технологическое совершенство, но и массовость. Так, Георг Фридрих Роскопф еще в 1867-м придумал «однодолларовые часы» — качественную, но дешевую в производстве модель, которую мог себе позволить любой рабочий. А все для того, чтобы пролетариат не опаздывал на работу. Как писал Блок, «и в желтых окнах заседают, что этих нищих провели».

Правда, Россия на выставке представлена потребительницей вещей не массовых, а скорее штучных: есть циферблат с эмалевым изображением Александра II с супругой, есть часы от Павла Буре (редкий экземпляр с императорским орлом на крышке), но также есть и секундомер Vreguet (использованный отнюдь не в спорте, а в воинских маневрах) и морской хронометр 1930 года Ulysse Nardin.

Но в XX веке на смену этому чинному индустриальному единообразию приходят сплошные революции: часы постепенно возвращают себе, даже в условиях серийного производства, статус уникально задуманной вещицы, которая своим обликом обречена обращать на себя вни-

мание. Хотя на сей раз это связано с тем, что потребитель таких часов вел не лениво-аристократический, а вовсе даже активный образ жизни: главными двигателями часового прогресса оказались война, авиация и спорт. Наручные часы постепенно одержали верх над карманными, хотя при этом поначалу приходилось специально защищать хрупкое часовое стекло. И потому появлялись часы-перевертыши Reverso от Jaeger-LeCoultre (корпус наручных часов там переворачивается циферблатом к руке), часы с закрывающимися циферблатом «жалюзи» от Vacheron Constantin, часы Clarte от Hermès, где циферблата нет вовсе, только цифры в миниатюрных окошечках, или часы Otomato от Moser & Cie с разбегающимся в стороны футлярчиком. Только в 1931 году появляется ударопрочное стекло, сделавшее ненужными все эти ухищрения. С другой стороны, в иных дамских часах над прагматизмом опять одерживает сокрушительную победу расточительная декоративность — в часах от Cartier и Van Cleef & Arpels циферблаты крохотные, с горошину, но ар-декошное ювелирное великолепие бросается в глаза.

Подбираясь к современным образцам, выставка сигнализирует о том, что часы такого пошиба опять-таки превратились в предмет роскоши, гипнотизирующий своей технологической утонченностью. Но самое трогательное обстоятельство состоит в том, как эта роскошь манифестируется: драгоценные камни есть далеко не везде, драгметаллы встречаются часто, но легкомысленной декоративности в дизайн не привносят, а уж каких-нибудь там оживающих эмалевых миниатюр нет и в помине. Зато есть притворяющиеся предметом первой необходимости вечные календари и указатели фаз Луны. И, разумеется, стоящая за ними непритворная механическая маэстрия — гораздо более живая, осязаемая и похожая на чистое искусство, чем давно потерявшее всякую одухотворенность ремесло компьютерных микросхем.